

Ибсен в предчувствии Набокова (Сольнес – Леонид Кулагин и Хильда – Маша Машкова).
Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

Строим «Сольнеса»

Татьяна Ахрамкова: «Посвящаю спектакль великим строителям прошлого века»

Жанна Анциферова

Татьяна Ахрамкова – ведущий режиссер Театра Маяковского, автор знаменитых и, что важно, кассовых спектаклей: «Кин IV», «Чума на оба ваших дома», «Шутка мецената», «Не о соловьях». Проработав в Маяковке почти пятнадцать лет, режиссер наконец-то «дошел» до своей мечты – до постановки самой пронзительной и самой непростой пьесы норвежца Генрика Ибсена «Строитель Сольнес». Премьера – завтра.

– Татьяна, до последнего времени ваши спектакли занимали большую часть репертуара театра. Они же приносили театру доход. Изменилось ли что-нибудь с приходом нового худрука Арцыбашева? И как складываются ваши с ним отношения?

– Они «приятны во всех отношениях». Как худрук и как мужчина он ведет себя чрезвычайно достойно. То есть все берет в свои руки: занимается репертуаром, знакомится с труппой, с условиями жизни артистов, отсматривает репертуар.

– Что-то из вашего уйдет со сцены?

– Нет, наоборот, он всячески пытается поддержать мои постановки, ищет информационных и прочих спонсоров.

– То есть атмосфера в театре рабочая?

– Да. В театре много заделов, все по углам что-то репетируют, и он это поощряет. Беспокоится за филиал, который, кстати, Гончаровым создавался как полигон для экспериментов, а теперь стал обычной прокатной площадкой. Так что после «Сольнеса» мы займемся Сретенкой.

– Как вы вышли на эту «нелегкую» пьесу?

– Эта пьеса – из величайших в мировом репертуаре. Как сказал Хейфиц, «когда «Сольнеса» берут в репертуар, собирают лучших артистов». Это пьеса того же уровня, что и «Гамлет», что и «Фауст», что и Чехов. Для меня по крайней мере. Но «Сольнес» для меня – это еще и такой норвежский вариант «Лолиты» в самом высоком смысле слова. Речь идет о творческом тупике художника, и мы пытаемся разобраться, что такое тупик: остановка для осмысления или действительно тупик, и что из него выводит.

– И что же?

– Ничего нового я говорить не собираюсь, поскольку из тупика, как и всегда, выводит только любовь. В «Сольнесе» эта любовь, скажем так, непростая. В критический момент в дом к строителю попадает девочка – ну, приземляется просто как инопланетянка – и тут начинается самое интересное: кровь закипает, жизнь бежит и все такое. Но, счастье и радость пугают – они слишком велики для человека. От них шаг до гибели. Что и происходит.

Независимая газ. 2002. - 2 апр. - с. 8.

Татьяна Ахрамкова перестроила Ибсена.

– Насколько автобиографичен выбор пьесы? Бывали ли вы в ситуации Сольнеса?

– Там ведь не только страх перед творческой немощью – там страх перед молодым поколением, которое наступает на пятки. Страх быть модным, несовременным, не попадать в ногу. А это наши современные фобии, от которых никто не застрахован, правильно? Что касается меня, я испытывала что-то похожее, но со стороны молодого поколения – по отношению к моему учителю Гончарову в первую очередь. Поэтому я хочу посвятить спектакль всем великим строителям XX века. Там и так полно цитат и парафраз из Феллини, Висконти, из Фрейда, из той же «Лолиты». Конечно, я пытаюсь исследовать пути выхода из тупика. Больше всех в этой ситуации мучается сам Сольнес – актер Леонид Кулагин. «Диалог с Богом» ему дается со страшным трудом – тем паче, что он человек верующий. А вообще эта пьеса местами что минное поле: пройти по ней и не пропасть очень сложно.

– А кто играет «Лолиту»?

– Это Маша Машкова, дочка Владимира Машкова и Елены Шевченко, ей еще нет шестнадцати, она не актриса, но ее юность и органика не требуют игры, а говорят сами за себя. Она ребенок, который попал на площадку, и это было принципиальным решением. Поэтому ее переиграть невозможно – ну, как животных. У нас есть в спектакле черепаха Кузя (вернее, черепах) – так вот, Маша – она как черепаха: ни одной фальшивой ноты. Я вообще считаю, что она – открытие для театральной Москвы: если, конечно, сцена ей понравится и она станет учиться. Хотя со мной, как я говорю ей в шутку, она уже прошла два курса ГИТИСа.

– «Сольнеса» вы даете в новой «литературно-сценической редакции». Зачем?

– «Сольнеса» переработал один молодой московский поэт, так что в результате получилась даже не литературная редакция, а что-то вроде размышлений на тему сегодняшних проблем художника: с чем его едят и, главное, как его едят.

– Да, раньше ели «с чем», теперь действительно – «как».

– То есть благодаря этому пьеса вышла еще и о том, что случается с художником, когда он превращается в изолированную и самодостаточную систему. Когда, иными словами, художник сам загоняет себя в угол. Да, Сольнес листает новые журналы по архитектуре, он изо всех пытается успеть на уходящий поезд, но все это происходит через силу, ему приходится ломать себя, свои правила и привычки.

– Тема-то – актуальная...

– Конечно! Это ж проблема нашего времени – или ставь на себе крест и сажай картошку, или осваивай новые технологии и двигай дальше. Пример для меня в этой ситуации – покойный Григорий Горин, который легко пересел за компьютер, да так, что его из интернета вытащить не могли, и адская машина стала чуть ли не точкой раздора в его семье. Но цивилизацию-то не оставишь, да? Просто надо не забывать, что есть еще культурный космос, где сохраняется, как в компьютере, все. Это, кстати, тоже один из выходов из тупика.

– А почему вы пригласили на главную роль артиста из Брянска?

– Кулагин – актер чрезвычайно гибкий, что называется, «пластилин»: ловит замечания, ждет их, талантливо распределяет. Артист он востребованный, на ТВ прежде всего. А в Брянск он сам себя сослал, когда понял, что не хочет быть в постоянной труппе. Увлёкся режиссурой, уехал в Брянск, откуда он родом, где и возглавил театр. Так и живет на два города.

– А кто строил все эти потрясающие домики на сцене?

– Это строил Станислав Морозов, работавший и с Эфросом, и с Фоменко. Все делает своими руками – бегаёт по Москве, покупает материал, чертит, кроит, рисует, носится по цехам, смотрит на костюмы, которые делает Маша Данилова, – как они на фоне его домиков покажутся.

– А музыка?

– Помимо Малера и Нино Рота у нас поработал Алексей Шельгин, который и раньше со мной работал, так что на сцене играет живой оркестр, он же бродит по залу, он же играет в фойе, пока всех не «достанет». Тут Сольнес и бросает в тубу мокрую тряпку. Мол, заткнитесь.

– То есть вы там веселитесь – в тупике? Но ведь у Ибсена юмор кот наплакал...

– У нас вышел «сегодняшний ракурс» – с учетом того, чторосло в культуре. Мы попытались доказать, что Ибсена можно играть и под Малера, и под «Амаркорд», и под Шельгина. Со старым профессионалом Кулагиным и с юной до безобразия Машковой.

– И с черепахой?

– И с черепахой. Просто только так что-то и может в наши дни на театре жить.